

Источники по истории СССР периода позднего феодализма

М. П. АЛЕКСЕЕВ

АНГЛИЙСКИЕ МЕМУАРЫ О ДЕКАБРИСТАХ

В многочисленных библиографических пособиях по истории движения декабристов материалы на иностранных языках донные еще не учтены с достаточной тщательностью. Несмотря на то что ряд подобных источников назван был уже в «Сибирской библиографии» В. И. Межова (т. II, СПб., 1891, стр. 95 и сл.), широко привлечен в указателе Н. М. Ченцова (Восстание декабристов. Библиография. М.—Л., 1929), пополнен в книге Р. Г. Эймонтовой (Движение декабристов. Указатель литературы 1928—1959. М., 1960) и других справочных изданиях, существует еще немало иностранных книг и статей о декабристах, неизвестных исследователям и еще не отмечавшихся в библиографических сводках. Таковы, в частности, довольно многочисленные английские печатные издания.

Еще в 1909 г. Д. К. Петров, напоминая слова Н. И. Тургенева,¹ обратившего внимание на сдержанный тон английской и французской печати в сообщениях о 14 декабря, писал: «Слова Н. И. Тургенева о французских и английских журналах нуждаются в некоторой проверке. Ее можно было бы соединить с работой, в которую вошел бы свод английских, французских и т. п., по преимуществу современных отзывов о декабристах в прозе и в стихах. Стоит заняться вопросом, как в передовых странах Запада оценили кровное русское дело, в чем выразились симпатии к нему или осуждение».² Эта задача, в сущности, до сих пор не решена до конца. На значение английских известий о декабристах указал И. Звавич в статье «Декабристы и английское

¹ La Russie et les Russes, t. I. Paris, 1847, p. 192.

² Д. К. Петров. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909, стр. 81—82, прим.

общественное мнение»³ и в публикации «Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством».⁴ Основным материалом для этих работ послужили газеты и журналы 1826—1827 гг.; частично использована также дипломатическая переписка и бумаги из английского министерства иностранных дел, кстати сказать, и ранее уже обследованные В. Н. Александренко.⁵ И. Звавич воспользовался лишь несколькими печатными источниками: перепиской княгини Ливен с графом Греем, Веллингтона с Каннингом, воспоминаниями Гревилля и дневником Роберта Ли.

В 1824—1826 гг. Р. Ли состоял домашним врачом графа М. С. Воронцова, был знаком с некоторыми членами Южного общества и приехал в Белую Церковь через несколько недель после выступления С. И. Муравьева-Апостола. Дневник Р. Ли, опубликованный в 1854 г., между прочим, рассказывает о восстании Черниговского полка (вероятнее всего, со слов А. Н. Раевского) и содержит в себе хотя и небольшой, но довольно ценный исторический материал.⁶ Из этого примера явствует, что историку декабристов иностранная книга может иногда доставить неожиданные фактические сведения. Следует поэтому подчеркнуть, что даже самое событие 14 декабря на Сенатской площади, не говоря уже об его отзвуках и следствиях, рассказано было английскими очевидцами полнее и подробнее, чем это обычно представляется. Недаром осведомленность английских газет 1826—1827 гг. обо всем, что касалось декабристов, приводила в недоумение и даже несколько тревожила русское правительство. В письме к Каннингу (от 6 марта 1826 г.) Веллингтон сообщал из Петербурга о явном неудовольствии, какое встречало здесь поведение английской печати: «Русское правительство недоумевает, откуда черпают свои сведения английские газеты (в частности, „Morning Post“), и полагает, что дело не обходится без участия какого-либо заграничного агента декабристов, объединяющего их с английскими и французскими тайными обществами».⁷

³ Печать и революция, 1925, кн. 8, стр. 31—52.

⁴ В сб.: Тайные общества в России в начале XIX ст., М., 1926, стр. 88—102.

⁵ В. Александренко. Россия и Англия в начале царствования императора Николая I. (По донесениям английского посла лорда Странгфорда). Русская старина, 1907, № 9, стр. 529—536; в этой статье дается перечень документов о восстании декабристов, хранящихся в Лондонском государственном архиве (стр. 530).

⁶ R. Lee. The last days of Alexander and the first days of Nicholas, Emperors of Russia. London, 1854. Подробную характеристику и оценку этого источника дал Ю. Г. Оксан в книге: Восстание декабристов. Материалы, т. VI (М., 1929, стр. XXIII—XXIV).

⁷ К этому письму см.: С. М. Чернов. Поиски сношений декабристов с Западом. В сб.: Из эпохи борьбы с царизмом, Киев, 1926. Дополнительно отметим любопытный документ, опубликованный в заметке «Английский министр Каннинг под надзором русской полиции» (Минувшие годы, 1908,

Несомненно, что англичане, жившие в России, — а в 1825 и последующих годах их находилось не мало в Петербурге и Москве⁸ — со вниманием следили за ходом восстания и последующей расправы с декабристами. Все это отражено в довольно многочисленных книгах о России, записках путешественников, документальных публикациях и т. д. Среди них есть также и воспоминания очевидцев.

Заслуживают внимания, например, письма леди Дисбрау, жены британского дипломата сэра Эдуарда Кромуэлла Дисбрау (замещавшего некоторое время английского посла в Петербурге лорда Странфорда). Письма леди Дисбрау напечатаны ее дочерью в чрезвычайной редкой книге, издаваемой в Лондоне в марте 1878 г. не для продажи (*few copies for private circulation*), под заглавием «Подлинные письма из России 1825—1828 годов».⁹ Лишь некоторые из них в кратких извлечениях были воспроизведены двадцать лет спустя в журнале Англо-русского литературного общества, но без всякого указания на книгу 1878 г.¹⁰

Леди Дисбрау имела широкие связи и знакомства в Петербургском высшем свете середины 20-х годов. Ближе всего, по-видимому, она находилась к семье князя П. М. Волконского; в письмах ее постоянно упоминается его жена, Софья Григорьевна (сестра декабриста С. Г. Волконского, умершего в 1868 г.), дочь Алина (Александра Петровна), с которой Дисбрау состояла в особой, интимной дружбе. Но в письмах упоминаются также и многие другие лица,¹¹ приводятся записи рассказов и слухов, распространявшихся в Петербурге. В одном из документов дается, например, подробное описание 14 декабря по собственным впечатлениям и со слов Британского консула в Петербурге — Бейли (Daniel Bayley), который первым принес в великобританское посольство известие о волнениях, начавшихся в городе.

Можно упомянуть также о книге английского пастора Джона Патерсона, совершавшего поездку по северу Европы и России и в декабре 1825 г. как раз находившегося в Петербурге. Мемуары

октябрь, стр. 198). Речь идет о рапорте великого князя Константина Павловича из Варшавы, в котором отрицается достоверность «показания подполковника Черниговского пехотного полка Муравьева-Апостола», что будто бы «лорд Стратфорд-Каннинг, будучи в Варшаве, имел сношение с членами тайного общества и обещал оным содействие Англии».

⁸ C. L. Johnston. *The British Colony in Russia*. Westminster, (s. a.), ch. IV.

⁹ Lady Disbrowe. *Original letters from Russia, 1825—1828*. Printed at the ladies' Printing Press, London, 1878. Экземпляр, которым я пользовался, хранится в ГПБ.

¹⁰ Alice Gausson. *Lady Disbrowe's Russian Letters*. The Anglo-Russian Literary Society, Proceedings, № 17, [1897], pp. 18—32; ср. заметку об этой публикации в «Историческом вестнике» (1897, № 7, стр. 295).

¹¹ В письме Дисбрау от 1 (13) августа 1826 г. дается, например, интересное описание вечера, проведенного ею в салоне княгини Зинаиды Волконской (Lady Disbrowe. *Original letters from Russia*, pp. 78—85).

Патерсона, изданные в Лондоне в 1858 г.,¹² заключают в себе довольно подробный рассказ о восстании 14 декабря, сделанный на основании собственных впечатлений. «Я хочу ограничиться только тем, что сам видел и что узнал от моего друга, графа Ливена, который в то время был хорошо осведомлен обо всех обстоятельствах, связанных с памятными событиями в ноябре и декабре 1825 г.», — замечает автор. Он сам видел колонны восставших, наблюдал толпы людей на соседних улицах; уже из дома Ливена он слышал два артиллерийских выстрела. Любопытно, что общее число восставших исчислено им «в тысячу, примерно, человек».

Патерсон пытается встать в позу совершенно беспристрастного наблюдателя и уклоняется от оценки того события, свидетелем которого ему случилось быть. В длинном его повествовании, однако, проглядывает порою недоброжелательный холодок в отношении к декабристам, внушенный ему прежде всего первым интерпретатором происшедшего, «другом» его графом Ливеном. Но в рассказе Патерсона есть живые и точные подробности (например, топографического характера), занесенные в дневник в тот же день, и они могут быть учтены для сопоставления с другими свидетельскими показаниями.

Рассказ Патерсона, впоследствии неоднократно цитировавшийся в английской литературе в качестве исторического документа,¹³ представляется, впрочем, мало типичным для англичанина его времени. В английской печати декабристов в то время чаще всего изображали как просвещенных офицеров из дворян, воодушевленных идеями западного конституционализма; в стране, достигшей более высокой ступени политической зрелости, полагали английские публицисты, выступление декабристов носило бы характер не вооруженного восстания, но скорее парламентской петиции или обращения к монарху. Необычный характер декабристского движения, в понимании английских буржуазных его наблюдателей, осложнялся тем обстоятельством, что во главе восстания находились представители высшего русского дворянства. Довольно долгое время интерес к участникам восстания связывался в Англии именно с этим обстоятельством. О судьбе изгнанников из известных дворянских семей, влачивших существование в тяжелых сибирских условиях, в Англии вспоминали и рассказывали очень охотно. Характерной в этом смысле является книга Эдуарда Мортонна, изданная в 1830 г.¹⁴ Э. Мортон был врачом по профес-

¹² The Book for every Land. Reminiscences of Labour and Adventure in the Work of Bible Circulation in the North of Europe and in Russia by the late John Paterson. London, 1858, pp. 395—405.

¹³ См., например: F. K. Grahame. The Progress of Science, Art and Literature in Russia. London, 1865, pp. 242—261 (подробный рассказ о декабристах); Thomas Milner. Russia, its Rise and Progress, Tragedies and Revolutions. London, 1856, pp. 406—500.

¹⁴ E. Morton. Travels in Russia and a residence at St.-Petersbourg and Odessa in the 1827—1829. London, 1830.

сии и провел в России два года по приглашению графа М. С. Воронцова. В указанной книге его (стр. 339—341) мы находим рассказ о С. Г. и М. Н. Волконских с особым заглавием: «Замечательный пример супружеской преданности», являющийся самой ранней записью в зарубежной печати истории «подвига жены декабриста», последовавшей за мужем в Сибирь. Э. Мортон едва ли ошибался, утверждая, что его рассказ будет интересен английским читателям: культ семейных добродетелей, насаждавшийся в Англии в эту эпоху, должен был обеспечить ему популярность и сделать назидательным независимо от его достоверности.

Интереснее весьма точные известия о восстании 14 декабря, опубликованные в английском журнале 1832 г., в статье «Пушкин и Рылеев».¹⁵ Эта анонимная статья давно уже привлекает к себе внимание как советских, так и зарубежных исследователей. К гипотезам об ее авторе, высказывавшимся ранее,¹⁶ в последнее время прибавились новые: ныне автором ее считается У. Г. Лидс (William-Henry Leeds, 1786—1866), архитектор-англичанин, живший в Петербурге в пушкинское время, а впоследствии издававший в Англии специальные архитектурные журналы;¹⁷ как бы мы ни отнеслись к этому отождествлению, несомненно то, что статья о Пушкине и Рылееве основана на хорошем знакомстве и с историей декабризма, и с русской литературой тех лет.

В 30-е—40-е годы имена декабристов реже встречаются в английской печати; однако стоит отметить, в частности, чрезвычайно высокую оценку декабристов среди чартистов; чартисты-литераторы упоминали их неоднократно в своих изданиях, распространявшихся среди английских рабочих.¹⁸

¹⁵ Foreign Quarterly Review, 1832, v. IX, pp. 398—418; характерно, что, говоря о Рылееве, который «лишился жизни за участие в петербургском заговоре», автор высказывает предположение, что это «известно некоторым из наших читателей».

¹⁶ См.: М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. Временник Пушкинской комиссии, т. III, М.—Л., 1937, стр. 114; Б. К а з а н с к и й. Западноевропейская критика о Пушкине. Литературный критик, 1937, № 4, стр. 118—122; S. Cross. Pouchkine en Angleterre. Revue de Littérature Comparée, 1937, № 1, p. 166.

¹⁷ Эту догадку высказал впервые Г. Струве (G. Struve. Pushkin in early English criticism. The American Slavic and East-European Review, 1949, v. VIII, № 4, p. 309) на основании записи, сделанной в экземпляре журнала, хранящемся в Британском музее. В недавнее время эта идентификация получила новое обоснование в статье: Eileen M. Curran. The Foreign Quarterly Review on Russian and Polish Literature (The Slavonic and East-European Review, 1961, v. XL, № 94, pp. 206—219).

¹⁸ Чартист Т. Фрост в 1851 г. в журнале «Chambers Papers for the People», по собственному свидетельству, напечатал статью о декабристах под заглавием «United Slavonians» (Th. Frost. Reminiscences of a Country Journalist. London, 1888, p. 81); он же ссылается на мнение Д. Эркорта (D. Urquart), цитированное в «Northern Star», о культе декабристов у чартистов, признававших будто бы воздействие на них русских дворянских революционеров (Th. Frost. Reminiscences..., p. 32) и допускавших даже неслучайное совпадение названий чартистской газеты и декабристского альманаха (Полярная звезда). Известный чартист-

Ряд любопытных и плохо учтенных рассказов о декабристах встречается в английских книгах о Сибири. Чиновник генерал-губернатора Восточной Сибири Б. В. Струве в своих воспоминаниях рассказывает о целом ряде англичан-туристов, посетивших этот край в конце 40-х годов, и упоминает, в частности, «англичанина Гиль», который жил в Иркутске несколько месяцев, «был вхож во все дома, встречался постоянно с ссыльным польским элементом, составлявшим довольно значительный контингент, целые вечера проводил в домах Волконских и Трубецких».¹⁹ Речь, несомненно, идет об англичанине С. Хилле, выпустившем в 1854 г. в Лондоне свое «Путешествие по Сибири» в двух томах.²⁰ В этой книге мы, действительно, находим ряд записей о встречах с декабристами, жившими на поселении; так, Хилл провел целый вечер «в убогом домике», заваленном сугробами снега, «на расстоянии около двух верст от Красноярска» у декабриста, имя которого хотя и не названо, но несомненно, что имелся в виду В. Л. Давыдов (1792—1855), к которому его привел живший в Красноярске архитектор Дантю. Хилл рассказал, со слов Давыдова, историю его жизни в изгнании начиная от 1812 г. Весь эпизод о встрече с Давыдовым заслуживает внимания как живая бытовая картинка, тем более, что о жизни его под Красноярском сохранилось сравнительно мало данных. Более подробно Хилл рассказывает о домах Волконских и Трубецких (также не называя их), которых он посещал весьма часто.

Во втором томе своего «Путешествия» Хилл, между прочим, кратко рассказывает о своей поездке в Забайкалье (pp. 91—95) и посещении К. П. Торсона.

Рассказы Хилла о ссыльных декабристах должны быть учтены как в биографиях встреченных им людей, так и в общей характеристике сибирского периода жизни декабристов.

Значительно интереснее сведения, которые можно почерпнуть в другом английском путешествии по Сибири, совершенном почти в те же годы (1848—1853).

В 1848 г. в Петербург приехал английский архитектор и художник Томас Уитлем Аткинсон (1799—1861). По совету А. Гумбольдта он решил отправиться на русский Восток в качестве

ский деятель и поэт Э. Джонс восторженно отзываясь о декабристах в своем историческом романе «Роман о народе» (E. Jones. The Romance of the People), печатавшемся в журнале «Рабочий» (The Labourer, v. 1, 1847, pp. 110—111), а в своей статье о Пушкине (1848) рассказывает о тайном обществе, председателем которого был «доблестный Пестель» (см.: Е. Догель. Неизвестная статья о Пушкине в чартистском журнале «Рабочий». Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1951, вып. 3, стр. 192, 196). Позднейшая статья о декабристах В. Линтона — «Пестель и русские республиканцы» (W. Linton. The European Republicans, London, 1892), была основана уже на тех данных, которые он получил от своего друга А. И. Герцена.

¹⁹ Б. В. Струве. Воспоминания о Сибири 1848—1849. СПб., 1899, стр. 33—34, 42—46.

²⁰ S. S. Hill. Travels in Siberia. London, 1854.

странствующего художника-натуралиста. Ему удалось сравнительно быстро исколотать необходимое разрешение на поездку, и в феврале 1848 г. он отправился в Сибирь вместе со своей второй женой, свадьбу с которой он только что отпраздновал в Петербурге. Семь лет спустя Аткинсон вернулся в Англию, привезя с собой путевые записи и несколько сот акварелей (некоторые из них были большого размера, достигая 5—6 кв. футов). Эти картины были с большим интересом приняты в художественных и научных кругах Лондона. Аткинсон выпустил о своем путешествии также две книги.²¹

Впрочем, путешествие Аткинсона по Сибири изложено еще в одном сочинении, во многих отношениях более интересном, чем его собственные. Оно написано его женой, сопровождавшей его в путешествии, и называется «Воспоминания о татарских степях и их обитателях».²² Книга вышла через два года после смерти Т. Аткинсона. Вместо суховатого и несколько тяжелого повествования Аткинсона здесь дан подробный, хорошо изложенный рассказ о проделанном пути; вся интимная, житейская сторона их странствований, естественно-исторические или этнографические наблюдения, цифровые выкладки или исторические справки, чему так много места отвел сам Аткинсон, тут отсутствуют полностью; вместо них даны описания дорожных встреч, столкновений с административной, ряда затруднений, которые путешественникам пришлось встретить на пути. Кроме того, Аткинсон, несомненно, связан был посвящением своей книги Александру II, на что разрешение не без труда испрошено было им через посредство английского посла в Петербурге; поэтому он воздерживался от какой бы то ни было критики русской власти и ее распоряжений, от замечаний о русских порядках, условиях быта и т. д. Все это вместо него сделала его жена. Живая и словоохотливая, она весело болтала обо всем в своей книге, не опуская ничего из тех подробностей, какие показались ей достойными упоминания или оценки; предоставляя мужа его научным изысканиям и живописным занятиям, она первая заводила знакомства, разузнавала все необходимое для дальнейшего пути, устраивала их быт и рассказала обо всем этом живо, интересно, с тонкой наблюдательностью. Известную роль в этом отношении сыграло то обстоятельство, что миссис Аткинсон раньше приехала в Россию и, конечно, много лучше своего мужа освоилась с русским языком. В книге миссис Аткинсон собраны подлинные ее письма к друзьям из России, лишь слегка под-

²¹ Thomas William Atkinson. *Oriental and Western Siberia. A Narrative of Seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary and Part of Central Asia, With a Map and numerous illustrations.* London, 1858; T.-W. Atkinson. *Travels in Regions of the Upper and Lower Amoor.* London, 1860.

²² Mrs. Atkinson. *Recollections of Tartar Steppes and their inhabitants.* London, 1863.

новленные и обработанные на основании дорожных заметок и впечатлений, сохранившихся в памяти.

Одно обстоятельство придает рассказам миссис Аткинсон особый интерес. «Во время моего короткого пребывания в Москве, — пишет она, — я познакомилась с семьями многих изгнанников и узнала, что мне придется посетить те местности, где их мужья, отцы и братья провели более двадцати лет своей жизни». Речь идет о ссыльных декабристах. Из дальнейших рассказов выясняется, что Аткинсон взялась выполнить ряд поручений в Сибири и устанавливала дорожный маршрут таким образом, чтобы не пропустить ни одной более или менее значительной колонии декабристов. Так, находясь в Западной Сибири, она с мужем едет в Ялуторовск — хотя этот городок лежал в стороне от их маршрута — для того, чтобы посетить М. И. Муравьева-Апостола и других живших здесь же декабристов; из Минусинска она специально едет в глухое селение этого округа Шушь, чтобы повидать П. И. Фаленберга. В Иркутске она видится с Волконскими и Трубецкими, в Селенгинске — с семьей Бестужевых. Все ее рассказы о посещениях декабристов, записи веденных с ними бесед не только обстоятельны, но и чрезвычайно точны; имена не названных ею лиц раскрываются без труда; все ее даты могут иметь документальные подтверждения. В итоге «Воспоминания о татарских степях» превращаются для нас в целую портретную галерею декабристов на поселении с множеством интересных фактических сведений, попутных характеристик окружавших их лиц, условий их существования и т. д.

Приведем лишь несколько примеров. В начале книги помещен рассказ о приезде путешественников в Ялуторовск 23 марта 1848 г. для свидания с М. И. Муравьевым-Апостолом и другими ссыльными. «Мы прямо подъехали к дому одного из ссыльных, которому привезли ружье... Он сейчас же послал за одним из своих товарищей, с семьей которого я также была знакома (вероятно, И. Д. Якушкин, — М. А.), и за женой одного из ссыльных, простой крестьянкой, мужа которой уже не было в живых... Ей я должна была передать просьбу родных расстаться с детьми, чтобы они могли получить надлежащее образование». Едва ли подлежит сомнению, что речь идет здесь о вдове В. К. Кюхельбекера Дросиде Ивановне (1847—1886), баргузинской мешанке, дочери почтмейстера И. И. Артенова.²³ Кюхельбекер имел от нее двух детей, упоминаемых и далее в рассказе Аткинсона, — сына Михаила (р. 1840) и дочь Юстину (р. 1843). Знакомство ялуторовских декабристов с семьей Кюхельбекера состоялось в начале 1845 г. при проезде его через Ялуторовск на новое место поселения, в Смоленскую слободу близ города Кургана той же Тоболь-

²³ Русская старина, 1873, июль, стр. 353.

ской губернии.²⁴ После смерти Кюхельбекера (11 марта 1846 г.) сестра его Ю. К. Глинка, всегда принимавшая близкое участие в делах брата, начала хлопоты о его детях; в конце концов ей было разрешено (8 апреля 1847 г.) взять их себе на воспитание с тем, чтобы они именовались Васильевыми.²⁵ Таким образом, «Воспоминания» Аткинсон устанавливают, что 25 марта 1848 г. Дросида Ивановна с детьми находилась в Ялуторовске и что именно Аткинсон привезла ей первую весть о разрешении, полученном Ю. К. Глинкой, взять их к себе на воспитание.

«В Ялуторовске проживают некоторые из политических ссыльных 1825 года, — продолжает Аткинсон. — Они составляют нечто вроде маленькой колонии и живут в полном согласии, так что радости и горести одного становятся радостями и горестями всех остальных; они составляют как бы одну семью».²⁶ Аткинсон характеризует почти каждого из них, сопровождая свой рассказ записью всего того, что она здесь слышала. Так, М. И. Муравьев-Апостол подробно рассказал ей о своем брате Сергее, который был повешен (судьба была к нему безжалостна: веревка оборвалась, когда жизнь еще не совсем угасла в нем, — и пришлось доставать другую; в это время сознание вернулось к нему и, поняв, в чем дело, он произнес кротким голосом: «Как тяжело, когда человеку приходится умирать дважды»), историю собственного водворения в Сибири, различные истории из его долголетней жизни в этой стране. «В Ялуторовске еще ничего не знали о революции во Франции, — замечает Аткинсон, — слух о ней достиг Москвы в самый день нашего отъезда, и мы первые привезли им эту весть. Это чрезвычайно взволновало их; было много толков о том, чем все это кончится. По-видимому, наше сообщение напомнило им о тех событиях и сценах, в которых много лет тому назад они сами играли такую видную роль» (стр. 22—27).

Не лишен интереса рассказ о посещениях Аткинсонами П. И. Фаленберга (который, однако, не назван по имени); ему они также привезли письма, и с бытом и семьей его хорошо

²⁴ С. Я. Штрайх, И. И. Пущин, М., 1925; И. И. Пущин, Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 167 (письмо Пущина к Е. А. Энгельгардту из Ялуторовска от 21 марта 1845 г.).

²⁵ Об их дальнейшей судьбе см.: Б. Л. Модзалевский, Эллиування декабристів. Юбилейний Збірник на пошану акад. Д. І. Багалія, Київ, 1927, стр. 888; Летопись Государственного Литературного музея. Кн. III. Декабристы. Ред. Н. П. Чулкова, М., 1938, стр. 526; здесь же на стр. 186 напечатано письмо Дросиды Ивановны к Ю. К. Глинке о детях и переезде с ними из Тобольска в Ялуторовск.

²⁶ В Ялуторовске, кроме М. И. Муравьева-Апостола, жили И. Д. Якушкин, В. К. Тизенгаузен, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, Н. В. Басаргин (с 1847 г.). Аткинсон рассказывает также о жене Муравьева-Апостола Марии Константиновне и воспитаннице их А. П. Созонович (ср.: Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Ред. и прим. С. Я. Штрайха. Пгр., 1922, стр. 93; К. Голодников, Декабристы в Тобольской губернии, Тюмень, 1899, стр. 3).

познакомились. Фаленберг рассказал им, что до переезда своего в Шушь он жил некоторое время в Минусинске и устроил там школу, чтобы зарабатывать себе средства к жизни, но местные власти закрыли ее; тогда он принужден был удалиться в деревню и зарабатывал себе на пропитание разведением табака (стр. 224—225, 229).²⁷ Краткий рассказ о горестной жизни декабристов в Минусинске имеет в виду братьев А. А. и Н. А. Крюковых, также не названных, членов Южного общества, приговоренных к каторжным работам в Нерчинских рудниках, а с 1836 г. переведенных на поселение в Минусинск (стр. 224).²⁸

В главе о пребывании в Иркутске Аткинсон, цитируя собственное письмо, замечает: «Чаще всего мы бываем у Трубецких и Волконских, и у них-то главным образом и встречаем их товарищей по несчастью». Записи бесед с С. Г. Волконским и его женой Марией Николаевной заключают в себе немало таких интересных подробностей, как характеристика их житейского быта. «Князь часто заходит к нам и однажды попросил разрешения привести с собой своего товарища по ссылке, который очень недурно рисует и своим рисованием добывает средства к жизни для себя и для своего брата (брат этот, к несчастью, страдает расстройством умственных способностей, так как горе помutilо его рассудок). Он рисует цветы и птиц, и делает это превосходно, но, к сожалению, у него очень плохие краски: по прошествии нескольких лет они совершенно выцветают. Мой муж подарил ему коробку английских красок...». Речь идет, конечно, о декабристах братьях А. И. и П. И. Борисовых, членах Общества соединенных славян, живших в деревне Малой Разводной, в пяти верстах от Иркутска, где они и умерли в 1854 г.²⁹ (стр. 240—244).

Дважды и подробно в книге говорится о Трубецких (стр. 310—311, 339—340). Полон колоритных подробностей рассказ о посещении Бестужевых в Селенгинске (стр. 302—305). Аткинсоны уже застали здесь сестер Бестужевых, получивших разрешение на поездку в Сибирь к братьям в 1847 г.; все хозяйство сосредоточивалось в руках старшей, Елены Александровны, от которой миссис Аткинсон была в полном восхищении: она сравнивает ее с Бетси Тротвуд, героиней незадолго перед тем вышедшего романа Диккенса «Давид Копперфильд» (1850), подчеркивая исключительную прямоту Е. А. Бестужевой, некоторую ее эксцентричность и внешнюю резкость при замечательной доброте, и это, действительно, напоминает известную героиню Диккенса, тетку

²⁷ Ср.: А. К. Кузьмин. Минусинские ссыльные. Декабристы. Сборник материалов, М., 1926, стр. 42, 54.

²⁸ Ср.: А. Косованов. Новые страницы из жизни Минусинских декабристов. В сб.: Декабристы в Минусинском округе (Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартынова, т. III, вып. 2), Минусинск, 1925, стр. 74—76.

²⁹ Воспоминания бр. Бестужевых. М., 1931, стр. 361—362; письмо С. Г. Волконского к М. М. Мешалкиной в книге: Декабристы (Сборник Государственного Литературного музея). М., 1938, стр. 101—102.

Копперфильда, которая приютила его у себя и вывела в люди после горестей и неудач. Характеризован Николай Бестужев (при вторичном заезде в Селенгинск Аткинсоны уже его не застали в живых и рассказывают об обстоятельствах его смерти), М. А. Бестужев и его жена (М. А. Селиванова), «природная сибирячка», «отличавшаяся природным умом и сметливостью». Существенны подробности о школе в Ялуторовске, устроенной декабристами, которую Аткинсоны посетили на обратном пути (стр. 341—342),³⁰ о В. К. Тизенгаузене, об И. Д. Якушкине и др. Разумеется, «Воспоминания о татарских степях» дают в основном бытовые впечатления: англичанка-путешественница не могла рассказать многое об интеллектуальной жизни декабристов, вдуматься в их суждения об общественно-политической жизни тех лет; но она и не ставила себе такой задачи; в ее бесхитроном повествовании, однако, рассыпано много метких наблюдений, схваченных на лету, которые дополняют картину жизни декабристов в изгнании, известную нам по русским источникам.

«Воспоминания» Аткинсон не прошли незамеченными в английской литературе; вскоре ими стали пользоваться для характеристики деятелей декабристского движения. Так, например, в книге Ф. Грэмма «Успехи науки, искусства и литературы в России», в которой много говорится о декабристах, из книги Аткинсон приведены большие извлечения: мы находим здесь ее рассказы о знакомстве с семьями Волконских и Трубецких в Иркутске, о посещении Н. Бестужева в Селенгинске, И. Д. Якушкина — в Ялуторовске.³¹ А. Е. Розен, рассказывая в письме к Н. А. Некрасову историю опубликования первых написанных им «декабристских» мемуаров, вышедших в свет первоначально в Германии, упомянул, что и «в Лондоне Evelyn St. John Mildmay перевел ее отлично и роскошно ее издал».³² Эта книга встречена была похвалами в английских журналах,³³ но характерно, что она не потребовала наведения особых исторических справок: о том, кто такие «декабристы», в Англии хорошо знали уже в течение почти полувека.

³⁰ Ср.: Воспоминания о декабристах в Сибири, записанные со слов их ученицы В. Н. Балакшиной. Сибирские огни, 1924, июль—август, стр. 179.

³¹ F. R. Graham. The Progress of Science. . . , ch. IV, pp. 242—261; еще ранее вышла книга С. Эдвардса «Русские у себя дома» (Sutherland Edwards. The Russians at Home. Unpolitical sketches. London, 1862), вся четвертая глава которой посвящена русской «потайной литературе» (pp. 66—71); здесь также приводится много данных о декабристах, собранных при помощи упомянутого в тексте А. И. Герцена.

³² Архив села Карабихи. М., 1916, стр. 162—167; речь идет о книге: Russian conspirators in Siberia. A personal narrative By Baron R., a Russian Decabrist. (Translated from the German by Evelyn St. John Mildmay). London, 1872.

³³ The Athenaeum, 1873, Jan. 18, № 2360, pp. 77—78; предшествовавшее ей немецкое издание тех же мемуаров вызвало большую и очень сочувственную статью в журнале «Edinburgh Review» (1870, v. CXXII, № 270, pp. 363—381).